

Николай Семенович Васильев

Николай Семенович Васильев (конец 1790-х — после 1855) — российский ученый, профессор Московского университета. Учился на отделении нравственных и политических наук Московского университета (с 1815 г.), в 1826 г. удостоен был степени магистра, в 1828 г. утвержден в звании адъюнкта по кафедре политической экономии и дипломатии, в 1833 г. назначен ординарным профессором по этой же кафедре. Ординарный профессор кафедры законов о государственных повинностях и финансах (1835–1845), декан (1836–1843) юридического факультета. Область научных интересов: политическая экономия, правописание. На торжественном собрании университета произнес речь «Об успехах и настоящем состоянии политической экономии» (1835), которая является его единственным печатным трудом.

**РЕЧЬ ОБ УСПЕХАХ И НАСТОЯЩЕМ
СОСТОЯНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОРДИНАРНЫМ
ПРОФЕССОРОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
И ДИПЛОМАТИИ НИКОЛАЕМ ВАСИЛЬЕВЫМ¹**

После долговременных и бесчисленных заблуждений, наконец разгадалась великая тайна благоденствия народов, заключающаяся в успехах промышленности и труда. Сие счастливое открытие составило отличительную черту времен новейших, в сравнении их с древними, и отразилось во всех жизненных силах народов, во всех их членах, в их правах, в умственном их развитии, в их учреждениях.

Общее соревнование в трудах и искусстве изменило политику новейших народов Европы, дало ей другие основания, более прочные, совсем иной характер, проявляющий большее благородство и просвещение, и указало другую цель, обещающую высшие блага человечеству. С открытием настоящего источника благоденствия Государств мы ясно увидели, что успехи нашей промышленности не различны с успехами других народов: при естественной невозможности иметь все роды и виды промыслов в своем отечестве, для удовлетворения всем потребностям жизни, мы должны были искать иностранных произведений на обмен собственных, и следовательно желать счастья другим для собственного своего счастья.

Успехи Финансовых постановлений зависели также от успехов народной промышленности, а на успехах Финансовых мер, при некоторых других усло-

¹ Текст подготовлен к публикации Б. А. Мясоедовым на основе публикации: *Васильев Н. С.* Об успехах и настоящем состоянии политической экономии // *Речи, говоренные на торжественном ежегодном акте Имп. Московского университета июля 10-го 1835 г.* — М., 1835.

виях, утвердились законная самобытность и независимость Государств, основы могущества и славы Правительств. Вот почему народная промышленность столь глубоко занимает ныне мысли Европейских Государей, соображения Министров и возбуждает живейшее участие всех образованных и благонамеренных мужей!

Сколько благородных усилий, сколько великодушных жертвований употребляет мудрое наше Правительство для развития всех сил и способов, какими Провидение наградило природу России и характер Русского народа! Оно устраивает на собственном иждивении обширные промышленные заведения, образцовые фермы, выписывает иностранных художников и поощряет отечественных, приобретает за дорогую цену вновь изобретенные орудия и материалы, входит в сношения с частными людьми и обнародывает последствия своих изысканий, в особенности же покровительствует и вспомоществует всякому Обществу, учреждаемому для полезного предприятия... Так, Русская промышленность, при содействии благотворного Правительства, при споспешествовании наук, начинает процветать в любезной нам России; так, сии мирные и полезные подвиги Русских производителей готовят для Отечества новую народную славу!

Важность предмета, столь обширного, любовь ко всему отечественному, может быть, увлекла меня от цели, мною предположенной, но вместе с тем сблизила Ваше внимание с тою наукою, от успехов коей столь много зависят, успехи самой промышленности, и внушила мне мысль в настоящем случае, в честь сего торжества, по введенному обычаю, предложить вам, Мм. Гг., слово мое: *об успехах и настоящем состоянии Политической Экономии.*

Изучая Историю рода человеческого, мы находим, что главною причиной его деятельности, была нужда. Эта нужда пробудила физические и нравственные способности человека, развила промышленность и положила основание общественному и частному богатству. По мере распространения просвещения, люди начали думать и о средствах, какими они удовлетворяли своим потребностям, привели свои размышления в систему и объяснили теорию наблюдениями над основными законами природы.

Таков был ход ума человеческого в раскрытии и совпадении начал о свойстве и действиях народного богатства или науки Политической Экономии. Но между тем, как каждая отрасль богатства народного имела свою теорию, полной теории о богатстве еще не было. Древние принимали народное богатство за факт, коего существа и причины они никогда не старались исследовать; даже кто хотел бы заняться исследованием сего предмета, тот унизил бы себя в глазах современников. По сей-то причине Экономические сочинения Ксенофонта и Аристотеля не могут представить нам и начальных понятий о нашей науке. Первый советует Афинской республике заниматься торговлей и покровительствовать иностранцам, а после сам сомневается, точно ли торговля выгодна для Государства. Правила Аристотелевы, сохранившиеся в его Политике, столь маловажны, что лучшие критики, за утратою подлинника, почитают это сочинение подложным. Римские Писатели оставили нам несколько книг о Сельском Хозяйстве, но ни одного о науке, нас занимающей. Вся классификация древней гражданственности ограничивалась властелинами и рабами. У них не было производителей, собственною выгодною побуждаемых к трудолюбию и предприимчивости, а были одни только угнетенные невольники, которые

как вьючный скот, из пищи и страха наказания, несли наложенную на них тяжесть. Все почти ремесла и ремесленники презираемы были общим мнением; одно только земледелие почиталось занятием достойным свободного человека и пользовалось некоторым уважением. Древние Правительства не обращали ни малейшего внимания на личные выгоды своих подданных и были твердо уверены, что с помощью обширного народонаселения можно обладать всем, что в состоянии украсить и усладить жизнь нашу, раскрыть способности человека и изощрить его разум.

Подобными правилами руководствовались и Средние века, когда едва осмеливались следовать по пути просвещения, проложенному Древними, когда сила ума казалась чуждым достоянием человечеству. Во мраке варварства Средних веков родилась система Феодальная; воинственный дух буйных орд, храбрых завоевателей одряхлевшей Римской империи, образовал ленное право и вместе с ним безначалие. Права Верховной власти были раздроблены, ограничены и присвоены вассалами. Среди хищений и опасностей не было ни промышленности, ни взаимного сообщения — не было и мысли о систематическом исследовании источников и причин народного богатства.

С открытием Америки и пути в Ост-Индию наступил новый порядок вещей. Европа увидела необыкновенное, изумительное зрелище в быту гражданской жизни. Страны, имевшие доселе недостаток в людях и произведениях, разбогатели; Государства, заключавшие в своем пространстве несколько квадратных миль, взошли на высшую степень могущества и силы; напротив того многолюдные и обширные приходили в упадок. Столь очевидные противоположности должны были побудить наблюдательные умы к размышлению и привести их к важным открытиям. В сие время область Европейских мануфактур и в особенности торговли далеко распространилась вне Европы. Португалия и Испания, присвоив себе значительную часть сей последней и овладев торговлею Ост-Индскою, посредством неисчерпаемых золотых и серебряных рудников в Мексике, Перу и Хили, вступили на чреду Государств богатых; богатство дало им политический перевес, хотя кратковременный, но долго гибельный для спокойствия Европы и страшный для ее независимости. Голландия в конце XVI века явилась соперницею Португальцев и став обладательницею сокровищ Индии и Нового мира, одного тяжестью золота преклонила на свою сторону политические весы Европы. Англичане со времен Елизаветы и Кромвеля замыслили о распространении морской торговли, и прежде, удивляясь, а после завидуя Голландии, приняли участие в ее выгодах — они также массою золота и серебра начали измерять силу и благоденствие Государства. Франция долгое время колебалась между земледелием и торговлею, кои знаменитый Сюлли, по какому-то темному чувству, называл *двумя сосцами* Государства; наконец Франция увлеклась общим потоком и устремила свою деятельность на мануфактуры и иностранную торговлю. Покровительствуя последней и стесняя промышленность земледельцев в пользу городских жителей, Кольберт, при всей расточительности Версальского Двора, не смотря на тягостные войны, увеличил чистый доход Государства от 32 до 92 мил. ливров. Тогда успехи Франции превзошли самые ожидания Кольберта, изумили и устрашили Европу.

Сходство в событиях, опыте многих веков, всеобщее направление Европейских народов к торговле и мануфактурам убедили почти всех Писателей, кои в течение XVI века и даже до половины XVIII рассуждали о предметах Политической Экономии, что покровительство внешней торговле и мануфактурам, привлекающим деньги в Государство, были главными причинами богатства новейшей Европы, и на сем-то, по мнению их, всемирном факте, основали они систему, известную под именем *Коммерческой* или *Меркантильной*.

Главная ошибка этой системы заключается в смешении двух противных понятий: *богатства*, означающего ценности потребляемые, и *денег* — ценностей, требуемых для приобретения первых. Ошибка в основном понятии привела к ложному умозаключению: кто более имеет золота и серебра, тот богаче; чем более денег у целого народа, тем богаче и целое Государство. Меркантилисты не верили, что недостаток денег гораздо удобнее может быть заменен кредитом, меною, чем недостаток в потребностях жизни — и требовали денег. По сему рассуждению и вся Политическая Экономия должна была иметь целью обогащение народа деньгами. Если Государство не имеет собственных рудников, то приобрести золото и серебро может только торговлею с иностранцами. Для большего привлечения денег в Государство надобно каждому народу располагать торговыми оборотами и таким образом, чтобы сумма товаров отпускаемых всегда превышала сумму товаров привозимых. Отсюда родилось понятие *о торговом балансе* и его выгодах, как скоро излишек вывоза пред привозом доплачивался деньгами.

Внутренняя торговля по этой системе доставляет только мнимые выгоды, потому что не может увеличить количества денег в Государстве ни одним рублем. Если внутренние торговцы и обогащаются, то это делается на счет других, которые в то же время разоряются; что приобретает один, то теряет другой, и нация, после всех таковых оборотов, оставаясь при прежнем количестве денег, ни беднеет, ни обогащается, не смотря на промышленность одних, праздность и расточительность других. Внутренняя торговля полезна только в том отношении, что ускоряет денежные обороты и тем совершенствует внешнюю торговлю, возвращая капиталы иностранному купцу или доставляя ему товары для отправления оных в иностранные земли за деньги.

Земледелие в сей системе занимает последнее место. Земледелец, по своему невежеству, часто не знает не только общественных, но даже собственных выгод, и потому занимается приготовлением таких произведений, которые по своему объему и избытку во всех частях света могут быть потребляемы только на месте производства или на ближних рынках. Для этого класс земледельцев должно вразумить и научить производить такие продукты, которые или непосредственно могут поступать на иностранные рынки, или могут служить материалами для наших фабрик, отправляющих свои изделия за границу. Отсюда ведут начало свое Экономические Общества, земледельческие школы, надзор за хозяйством крестьян и тому подобные учреждения.

Напротив того, мануфактуры и фабрики почитались у меркантилистов весьма важною и прибыльною отраслью народной промышленности. Чем они совершеннее и произведения оных многочисленнее и разнообразнее, тем ре-

шительнее выгоды баланса, теме более приобретается денег от иностранной торговли.

Для приведения мануфактур в цветущее состояние и наклонения баланса на свою сторону Правительство, по духу сей системы, может употреблять всякие положительные средства. Оно может запретить или обложить неумеренными пошлинами вывоз грубых материалов и поощрить вывоз мануфактурных изделий наградами, предписаниями, наказаниями; открыть иностранные рынки для отечественных произведений посредством торговых договоров с другими державами, дозволяя себе обман, устрашения, вооруженную силу, и наконец домогаться обладания колониями в других частях света, содержать их во всегдашней зависимости от метрополии и производить с ними монопольную торговлю. О достоинстве сих средств не должно судить по правилам строгой нравственности, но по количеству золота и серебра, получаемых от других народов.

Мне кажется, довольно будет этого краткого обозрения составных частей торговой системы для показания, что начала сего рода не могут быть прочными и составить науки. Она имела одну личину истины и обольщала умы мнимую простотою; она вооружалась ограничениями и запрещениями там, где достаточно было одного покровительства; потворствовала страсти подводить промышленность под уставы, и потому доставляла ей неестественное направление. Она утверждала в народах пагубную мысль, что благосостояние каждого из них несовместно с благосостоянием других, и таким образом разорила целые государства, думая обогатить их; она закрыла для них рынки чужестранных народов и заперла собственные; привела народы в тяжкую необходимость покупать у самих себя дорогою ценою посредственные товары, которые могли бы получать от других народов за дешевую цену, и заставила их самих продавать дешево товары, в коих нуждались другие страны, и за которые они имели бы там высокую плату. К удовольствию заметим, что система сия не принимается ныне явно ни одним Писателем, хотя оставила еще глубокие следы в умах некоторых людей государственных. Около половины XVIII столетия Политическая Экономия получает уже характер науки. Во Франции является *Физиократия*, а в Англии *Система промышленная*: первая была творением *Кеней*, вторая *Адама Смита*.

Система Кольберта, которой и теперь еще с немногими изменениями следуют во Франции, где ремесла и торговля, кажется, предпочитают земледелию, система Кольберта естественно должна была обратить совсем в противоположную сторону сильный и прямой характер Кеней: его раздражала самая тень несправедливости. К тому же роскошь в ремеслах и утонченность в удовольствиях отдаляли владельцев земли от их полей, и потому, может статься, необходимо было увеличить важность и выгоду сельской жизни, обратить умы на важнейший источник богатства и наслаждений. Как бы то ни было, но Кеней возвратился на путь, указанный Сюллием, и меркантильной системе противопоставил свою *Экономическую таблицу*, которая пояснена была после замечаниями Мирабо, распространена Дюпон де Немуром, анализирована Тюрго и принята во Франции многими учеными последователями, известными под именем *Физиократов* или *Экономистов*. Кеней видел истинное богатство народов в земледелии, а силу, производящую оное, в земле. Мануфактуры и тор-

говля, по его мнению, ничего не производят; потому что ничего не создают, не дают никакой прибыли. Они оплачивают только предварительные издержки, употребленные во время сих занятий. Что в самом деле производит художник, фабрикант, ремесленник — спрашивают Экономисты? Одну часть земледельческих произведений преобразует, а другую совершенно потребляет; в замену всего этого является его изделие, в котором заключается вся цена его издержек. Чем умножает богатство негоциант, когда он только передает произведения из рук производителей в руки потребителя, не совершенствуя их качества и не увеличивая количества? Напротив того, сколь отлична от вышесказанных действий работа земледельца? Из недр земли извлекает он то, чего прежде не было — он творит; дает обществу то, чего оно не имело, и принуждает к тому самую природу. Потребляет ли общество все произведение прошедшего года: он умножает растительную силу земли, возвращает государству все потребленное, и сверх того получает избыток, который составляет *чистую прибыль* (*produitnet*) и увеличивает народное богатство.

На основании сих положений Экономисты разделили всех жителей Государства на *производителей* (*productifs*) и *потребителей* (*steriles, improductifs*). К первому классу принадлежали *владельцы земель*, как единственные распорядители народного богатства, и *земледельцы*, как единственные производители, доставляющее доход первым. Второй класс заключает в себе ремесленников, купцов и прочие сословия людей в Государстве, которые могут способствовать обогащению одною бережливостью в потреблении.

Как одно земледелие дает чистую прибыль, а всякий неотяготительный налог должен падать на чистую прибыль; то Экономисты рассуждали, что один земледелец должен быть *обложен налогом*. Этот налог, по мнению их, самый справедливый, самый простой и менее других убыточный. Все прочие налоги непосредственно падают также на земледелие; но они доходят до него продолжительными и затруднительными оборотами; прямая линия, как кратчайшая, есть самая лучшая.

Земледелие может процветать только при свободном соперничестве. Способ и предметы производительности, продажа товаров, выбор занятий и рынков не должны быть стесняемы никакими ограничениями. Правительство обязано только охранять права производителей и неукоснительно оказывать им правосудие. Когда правосудие строго соблюдается, тогда земледелие процветает и производит благотворное влияние на успехи ремесел и торговлю, а они, в свою очередь, споспешествуют земледелию.

Система сия отличается особенным остроумием и стройным соединением частей; она заключает в себе много полезных истин; возвышает земледелие вопреки торговой системе; уменьшает веру в торговый баланс; внушает любовь к человечеству и благоволение к достоинству человеческой природы.

В сем отношении Физиократы оказали великие услуги Политической Экономии. Но с другой стороны они нанесли ей много вреда, раздвинув ее пределы за черту опыта и здравого разума. Вместо системы государственного хозяйства, они составили идеал совершенного Государства, в котором господствовали право, добродетель и истина, не было ни бедности, ни предрассудков. Французское правительство позволило им судить по сим идеям о делах Государ-

ственных, не допуская знать оные. С обеих сторон начались жаркие споры, но ни один из фактов, ни один из документов, хранившихся у Правительства, не был известен публике. Экономисты, лишённые опытного знания, обратились к умозрениям, и на гипотезах, догадках и аналогии начали создавать свои экономико-политические законы. Такою высокомерною методою они легко объясняли все явления, решали все политические предложения и наконец произвели во Франции сильное волнение умов и сами приготвили падение своей метафизической системы, которая ныне осталась только в книгах и никогда не может быть приложена к практике. Один Писатель весьма остроумно сравнивает ее с великолепным и высоким домом без лестницы.

В то время как учение Французских философов-экономистов занимало Европу своими умозрениями и распространяло обольстительные правила Государственного хозяйства, явился наблюдатель глубокомысленный, Политик и Философ, *Адам Смит*. Он обратил внимание на состав политических обществ, открыл тайну соединения оных; постиг причины их деятельности или нерадения, их просвещения или невежества, их благосостояния или упадка, и таким образом положил прочное основание науке Государственного хозяйства и ввел ее во святилище истины. Его сочинение о *народном богатстве*, изданное в 1776 году, может разделить славу свою только с Философией Бакона и с духом законов Монтескье. Читая Смита, говорит Сей, ясно видишь, что до него не было Политической Экономии. Действительно все, что только не мыслили до Смита о народном богатстве, можно отнести к двум совершенно различным между собою системам, о коих мы до сих пор говорили. Смит критически наследовал ту и другую, доказал несправедливость обеих и обнаружил зыбкость их оснований. Он совершенно чужд односторонности эмпириков и метафизики экономистов. Деньги, иностранную торговлю и земледелие он почитает равно и существенно нужным для народного благоденствия. Меркантилисты имеют в предмете монополию, а экономисты неограниченную свободу; Смит держится середины. Торговля, промышленность, земледелие должны быть производимы свободно, однакож без всякого одно другому подрыва и без всякого между собою предпочтения. Изыскивая первую причину частного и народного богатства, он нашел оную в труде, разобрал его составные части и показал внутреннюю и внешнюю его силу. По тщательному наблюдении всех явлений промышленности и соображении оных во всех случаях, начертал он свою высокую и смелую теорию. Глубокомысленным анализом он доказал, что во всех отраслях гражданской деятельности бывают одни и те же побудительные причины, одни и те же действующие начала; он указал сии начала и описал, каким образом люди живут в гражданском обществе, как приобретают богатства, достигают благосостояния и приходят в упадок. Вот тайны, открытые Ад. Смитом, и заслуживали ему венец бессмертия в Науке! Чем более распространено будет знание Политической Экономии, тем более станут ценить важность успехов, кои сей великий мыслитель доставил Науке, и важность тех успехов, кои он приготовил для нее, указав верный путь к истине. С появлением творения Смита, и особенно в течении последнего столетия, Политическая Экономия идет быстрыми шагами к совершенству. Отличные умы нашего времени, не увлекаясь суетным тщеславием ниспровергнуть все учение Смита, а следовательно, и все здание

Науки, решились только исправить его недостатки, утвердить основания, дополнить их новыми открытиями, новыми событиями, случившимися в связях и отношениях общественной жизни, и представить Науку в таком виде, чтобы она могла быть с пользою изучаема во все времена и во всяком месте. Оценить усилия сих Писателей к достижению предположенной ими цели, значит, по моему мнению, показать настоящее состояние Политической Экономии, что и составит окончание нашей беседы.

Рассуждая о причинах умножения и уничтожения народного богатства, Смит не озаботился дать сему основному понятию в нашей Науке строгого логического определения, которое означило бы содержание и пределы Политической Экономии с большею ясностью и точностью, чем самое название, для ней придуманное и мало соответствующее своему предмету. На первой странице предисловия к своему бессмертному творению он определяет богатство вещами, способными к удовлетворенно нужды и к приобретению удобностей жизни; в конце же этого предисловия он говорит, что действительное богатство народа заключается в ежегодных произведениях земли и труда, и вообще название богатства Смит приписывает исключительно ценностям вещественным — и тем стесняет пределы Науки. Немецкие ученые, за исключением Гуфланда, весьма равнодушно приняли и принимают теперь таковое ограничительное понятие о богатстве; напротив того, знаменитые писатели Английские и Французские: *Лорд Лодердаль*, *Гарнье* и *Сей*, около 30 лет тому, сильно восстали против Смита и долго трудились над разрешением сей важнейшей политико-экономической задачи. Наконец наш ученый соотечественник *Герп. Шторхе* (в своем *Gours d'Economie politique*) убедительно доказал, что богатство заключается не в вещественных ценностях, но вообще во всех предметах, озаменованных печатью труда и пользою истинною или воображаемою. Таким образом вещественные и невещественные ценности вошли в Науку о богатстве, и все классы людей в Государстве получили в ней право гражданства. Теперь смело могут называть себя производителями и лекарь, и артист, и учитель, и судья; теперь мы охотно верим, что никто из них не живет на счете своих ближних; что произведенные ими ценности столь же существенны, как и те, которые содействовали производству вещественных предметов, и что наконец доходы их столько же законны, как и доходы купца, фабриканта, владельца земли: ибо общество требует их услуг и охотно вознаграждает за оные ценностями вещественными. Утверждением сего начала прекратилось множество споров, уничтожилось много софизмов, Наука возвысилась и распространилась.

После определения Науки естественно следует упомянуть о другом основном положении: о том, *из чего состоят главные производительные силы*, коими человек располагает для приобретения богатства. Главными силами Смит полагает труд и капитал, и производительное употребление оных ограничивает тремя способами: земледелием, ремесленностию и торговлею; совокупное действие сих способов необходимо для полной промышленной производительности, а производительные действия каждого из них одинаковы. Смита обвиняли в том, что он одному труду, или по крайней мере преимущественно труду, приписывает способность производить богатство. Может быть, это обвинение и справедливо, но так же справедливо и то, что Смит, для совершенства про-

мысленной производительности, почитает капиталы столь же необходимым условием, как и самый труд. Впрочем надобно согласиться, что полным раскрытием и утверждением сего начала Наука обязана изысканиям знаменитых последователей Смита. *Лорд в Лодердаль* и *Сей* дали сему началу очевидность аксиомы. Теперь уже всякое мнение, которое отделяет какую-либо ветвь промышленности от других и приписывает особенную производительность одной на счет прочих, почитается за игру фантазии или за совершенное невежество в основных правилах Науки.

Теория *разделения труда*, как главной пружины, ускоряющей его производительную силу, пояснена и пополнена раскрытием полезных действий машин и вообще капиталов. Новейшие народы обязаны не одному просвещению, но и накоплению капиталов, разделению труда и употреблению машин, обилием, дешевою ценою и изяществом форм своих производителей. Все новейшие писатели убеждены в этой истине. Таким образом и сия теория исключается из числа неопределенных предметов Науки.

Из числа неопределенных статей ныне исключен также главный закон, управляющий меновой ценностью, а именно, *отношение производства к требованию*. Основания оно, изложенные Смитом с такою легкою простотою, приняты последующими писателями бесспорно. Новейшие Экономисты сделали более удачное приложение сего закона к плате за труд, к прибыли с капиталов и к доходу поземельному.

К числу спорных предметов Политической Экономии особенно принадлежит *доход поземельный*. О нем много писали в отдельных сочинениях, обширно рассуждали в полных теориях Науки. Не смея более утруждать внимания вашего, П. П., излишними подробностями, я приведу все спорные мнения к трем точкам зрения: во 1-х спор происходит об источнике поземельного дохода; во 2-х о причинах, имеющих влияние на оный, и в 3-х о влиянии дохода на богатство.

Касательно первого положения, Смит утверждает, что поземельный доход происходит от права собственности и есть не что иное, как плата за пользование чужой землею. С ним согласились почти все писатели.

В рассуждении второго положения, Смит думает, что большая или меньшая плата за наем земли зависит от двух причин: от обширности рынка и от степени плодородия земли. С сим мнением также соглашается большая часть писателей. Однакож некоторые оценивают доход поземельный издержками, употребленными на удобрение земли; неосновательность сего мнения доказывается тем, что во многих случаях удобрение бывает совсем не нужно и что удобрение почти всегда бывает на счет кортомника.

Что ж касается до влияния поземельного дохода на богатство, то Смит выразился о сем предмете весьма не ясно. *Буханан*, знаменитый Комментатор Смита, думает, что доход поземельный ничего не прибавляет к народному богатству, что он полезен только владельцам земель, и в такой же степени вреден потребителям земледельческих произведений. *Рикардо* полагает, что доход сей увеличивает ценность произведений, не умножая богатства. *Мальтус*, напротив того, старается доказать, что он есть чистая прибыль, и следовательно, производит богатство.

Сей разрешает сии споры самым легким образом. Он рассматривает землю как орудие, которое, подобно многим другим естественным действующим, способствует ценности вещей, доставляя нам прибыль, за что мы и должны заплатить владельцу земли другими произведениями, плодом наших трудов; и так она производит меновые ценности и, следовательно, богатства. Земля, говорит Сей, перерабатывает соки, из коих образуются наши плоды, так точно, как солнце согревает оные; потребитель не платит солнцу за его полезное содействие, потому что никто не мог овладеть его лучами и уступить их другому за деньги, между тем, как кто огородил поле, тот заплатил за услугу земли, которая, без сего содействия, конечно, пришлась бы даром. Но если б земля ни кому не принадлежала, то она не производила бы ни для кого своих плодов; ибо в таком случае никто не захотел бы употребить издержек и трудов своих на обрабатывание оной. Для действия солнечных лучей не нужно задатков; но если б не было употреблено задатков для земли, то она осталась бы невозделанною, и мы совершенно лишились бы ее плодов. Если это таким образом происходит, продолжает Сей, если не может быть иначе: то и не остается никаких споров.

Смитовы начала *об иностранной торговле* принадлежат к числу предметов, принятых всеми писателями единогласно. Надобно заметить, что последователи Смита несправедливо приписывают себе честь усовершенствования сей теории. Смит дал оной такую полноту, такую определительность, ясность и естественность, что самые упорные его противники, против воли, с ним соглашались, и окончательные выводы своих опровержений всегда приводят к его началам.

С такою же полнотою и ясностью раскрыта им теория важного действующателя торговли — *денег*. Точное определение существа денег, законов их меновой ценности, влияния на обращение, достоинства в составе народного богатства составляют плоды глубоких изысканий Смита; новейшим писателям оставалось единогласно принять оные. Эта теория принадлежит также к числу истин, доведенных до очевидной ясности, какою могут хвалиться одни точные Науки.

Мнения новейших писателей разделились в рассуждении весьма важного вопроса, о коем Смит сделал один намек, и в разрешении коего заключаются, некоторым образом, основания Науки, а именно: должно ли стараться об одном производстве, не думая о потреблении, или при производстве должно всегда иметь в виду потребление?

Мальтус утверждает, что для Государства, изобилующего производительными средствами, необходимо иметь непродуцирующих потребителей; что при плодородной земле и способности производителей, оно не только без вреда бывает в состоянии содержать многочисленный класс сих потребителей, но может иметь еще необходимую в них нужду для сообщения большей деятельности производительным способам, и что самая роскошь Правительства может умножать народное богатство, образуя потребителей, без которых произведения могли бы обременить Государство своим излишеством. Ганиль следует сей же теории.

Сисмонди, соглашаясь с их мнением, с своей стороны утверждает, что потребление не есть необходимое следствие производства, и что не смотря на беспредельность потребностей и желаний человеческих, удовлетворение оным возможно только по степени соединения с ними способов обмена; что недозволено создать средства обмена, но надобно еще передать оные тем, которые

имеют потребности и желания, ибо часто случалось, что средства обмена увеличивались в Государстве, а требование на труд и плата за оный уменьшались, уменьшалось также и потребление; наконец, что не в увеличивающемся производстве, но в увеличивающемся требовании на труд или в усугублении готовности платы за труд заключается верный признак народного благоденствия, и что сие требование должно предшествовать производству: иначе рынки будут загромождены излишеством товаров; тогда дальнейшее умножение произведений будет причиною разорения, а не благосостояния народного¹. Сисмонди старается доказать сии положения настоящим состоянием промышленности Европейских народов, когда все рынки образованного мира преисполнены произведениями и сбыт оных делается или вовсе невозможным, или невозможным без убытка. Сии явления он приписывает избытку производительности или несоразмерности производства с потреблением.

Сей, Рикардо, Мак-Кьюллох и другие с большею основательностью следуют противоположному учению.

По их мнению, богатство и благосостояние народов соразмеряются с самою производительностью, и чем более усугубляется деятельность последней, тем высшей степени достигают и первые. Сии писатели соглашаются, что требование на труд есть признак благосостояния, но утверждают, что сие требование есть следствие увеличившейся производительности.

Если под именем требования разуметь одно желание иметь какую-либо вещь, то оно может предшествовать производству; если же, напротив того, требование принимать в смысле настоящем, т. е. как желание в соединении с способами обмена, то нельзя не согласиться с мнением Мальтуса и Сисмонди, что требование предшествует производству. Но дабы предложить сие требование на какое бы то ни было произведение, надобно иметь уже способы производства, следовательно, надобно создать, произвести оные.

Столь же неосновательны опасения Сисмонди, что деятельность промышленная может достигнуть такой степени, что произведения ее, не имея сбыта, обременят своих производителей; это положение не согласно с действительностью и противоречит истинной теории. Человеку не дано счастливой способности производить все, что для него нужно или чего он желает, и производить столько, сколько он может потребить. Если случается нам видеть некоторых людей в Государстве, обладающих с избытком всеми потребностями жизни, то это следствие соединения многих трудов, многих производительных способов в пользу одного или немногих граждан. Но мы не знаем ни одного народа, в котором бы каждый Член имел все, что ему нужно.

Если бывает иногда накопление каких-либо известных произведений и сбыт оных делается невозможным без убытка, как случилось в наше время с частью промышленности Европейских народов, особенно Англичан, и в чем Сисмонди видит доказательства своей теории; то это произошло не от того, что слишком много производят, а от того, что одни производят не то, что нужно другим, или одни производят столько, что другие не имеют способов купить их товары, или,

¹ Balance des consommations avec les productions. Ст. Nouveaux principes d'Econ. Polit. Часть а. — Paris, 1827.

другими словами, имеют сами недостаток в произведениях. И то и другое есть следствие худого расчета предпринимателей, есть следствие промышленности непросвещенной, недальновидной, а не всеобщее излишество промышленной деятельности, столь страшной для Сисмонди.

Мак-Кьюллох приводит многие любопытные примеры неращетливости Английских промышленников. В 1816 году один Манчестер, по его уверению, прислал в Рио-Янейро в продолжение нескольких недель столько товаров, сколько вся Бразилия не могла потребить в продолжении 20 лет. Товаров скопилось так много, что в городе недоставало магазинов, и драгоценнейшие произведения свалены были на берегу просто в кучи. «Любопытно видеть, — говорил он, — как производили в то время дела свои наши безрассудные торговцы. К людям, которые всегда пьют из рога или скорлупы кокосового ореха, навезли модных фарфоровых и хрустальных сервизов. Один спекулянт, который, вероятно, был безрассуднее всех других, наполнил в Рио-Янейро целый магазин коньками, забыв, что Бразилия находится под Экватором. Бразильцам с грузом могли растолковать, к чему пригодно это непонятное для них изделие».

Столь безрассудная неращетливость предпринимателей, подстрекаемых жадностью к большим прибыткам, есть главная причина частных избытков в товарах; к ней должно присоединить ошибочные постановления в общественном порядке, стеснения в обращении произведений и пошлины. Общего избытка в произведениях человеческой промышленности никогда не было и никогда быть не может, и самая идея о всеобщем избытке противоречит здравому смыслу. Но положим, что с успехами разума и с помощью сил природы производители всех частей света в равной степени присвоили себе неестественные силы производить все, чего желают, в количестве, превосходящем действительные их нужды; положим, что они по неестественному трудолюбию, подвигнувши все свои силы, в самом деле произвели столько, что за удовлетворением потребностей составились у каждого народа остатки, никому в настоящем не нужные, т. е. все произвели все нужное, даже с избытком: то чего ж им и желать более? Чем разнообразнее и многочисленнее будут произведения, тем большее количество потребностей удовлетворится, тем больше удобств и больше наслаждений будут иметь народы. Каким образом от сего изобилия может остановиться деятельность мануфактур, прекратиться торговля; каким образом от сего разорятся производители, каким образом от богатства обеднеют народы? Без сомнения, этого несчастья, которым угрожает Сисмонди, никогда не случится.

Вот главные *Начала Политической Экономии, успехи и настоящее ее состояние*. Усилия новейших Политико-Экономистов основать на развалинах Смитовой системы собственную, остались тщетными, не принесли никакой пользы Науке и славы писателям. Там, где они отдалялись от Смита или опровергали его начала, они подвергались бесконечным спорам между собою и неразрешимым противоречиям; они только успели дать более точности, развития и применения началам Смита; основательнейшим исследованием частных событий учение его более сблизили с действительностью, пояснили и распространили оное; вообще они раскрыли начала сии в большем порядке и в связи более

правильной. Но основания учения Смита, глубоко утвержденные на естестве вещей и сущности политических обществ, остались непоколебимыми. «Может быть, — говорит один знаменитый современный писатель, — столетия поколеблют основания Смита; может быть произойдут важные перевороты во всей его теории; не смотря на это, она будет занимать отличное место в картине просвещения осмнадцатого века, потому что она составляет самое лучшее ее украшение».

Здесь окончу слово мое.